

въ одной изъ пещеръ горъ Цаганъ-обо и благополучно пролежали тамъ до нашего возвращенія.

Трудности пути начали отзываться и на всѣхъ насъ. Не говоря уже про обыденныя явленія огромныхъ высотъ — слабосиліе, головокруженіе, одышку, иногда сердцебиеніе и общую усталость — то тотъ, то другой изъ казаковъ заболѣвали, всего чаще простудою или головною болью. По счастью, болѣзнь сильно не развивалась и обыкновенно проходила послѣ нѣсколькихъ приѣмовъ хины. Одинъ только переводчикъ Абдуль-Юсуповъ, какъ болѣе другихъ слабосильный, чувствовалъ себя почти постоянно нездоровымъ и истреблялъ изрядное количество лекарствъ. Грязны всѣ мы были до крайности; на сильныхъ холодахъ часто невозможно было умыть хотя бы лицо и руки; при томъ постели наши состояли изъ войлоковъ, насквозь пропитанныхъ соленою пылью. На этихъ войлокахъ мы валялись въ холодной юртѣ по одиннадцати часовъ въ сутки — инымъ способомъ невозможно было коротать длинныя зимнія ночи. Днемъ, когда зажигали въ юртѣ аргаль, то она почти всегда была полна дымомъ ¹⁾, въ особенности въ облачную погоду, или при вѣтрѣ, хотя бы слабымъ. Казакамъ приходилось еще хуже, такъ какъ они помѣщались въ лѣтней палаткѣ и не могли достаточно защититься даже отъ бурь. На каждомъ переходѣ, даже небольшомъ, всѣ мы сильно уставали, ибо, помимо вьюченія и развьюченія верблюдовъ, дорогою несли на себѣ ружья, патронташи и пр., всего чуть не по полупуду клади. При томъ на самыхъ переходахъ часто приходилось идти пѣшкомъ, такъ какъ на холодѣ, и въ особенности при бурѣ, ѣхать долго шагомъ на верховой лошади или верблюдѣ невозможно. Наконецъ, мы не имѣли возможности, хотя бы изрѣдка, подкрѣпить себя рюмкою водки, потому что въ наличности имѣлось всего четыре бутылки коньяку, который берегся на крайній случай.

Тибетъ давалъ себя чувствовать не только различными невзгодами, но и осязательными результатами негостепріимства своей дикой природы. Помимо изрѣдка валявшихся людскихъ череповъ и костей караванныхъ животныхъ, на одномъ изъ переходовъ близъ Муръ-усу, мы встрѣтили трупъ монгола-богомольца, вѣроятно пѣшкомъ пробиравшагося въ Лхассу, или, быть можетъ, покинутаго караваномъ по случаю болѣзни. Возлѣ этого трупа, отчасти уже объѣденнаго волками, грифами и вѣронами, лежали посохъ, дорожная сума, глиняная чашка и небольшой

¹⁾ Такъ какъ въ разрѣженномъ воздухѣ тибетскаго плоскогорья дымъ вообще плохо поднимается кверху.